

Х. Доносо Кортес и Х.Л. Бальмес-и-Урпия: две тенденции в развитии испанского традиционализма

Генезис политической идеологии традиционализма в конце XVIII – начале XIX в. происходил посредством совмещения двух начал: *религиозного*, производного от средневекового традиционализма с его теологическим содержанием и схоластическими методами, и *собственно политического*, связанного с кризисом абсолютистских монархий и являвшегося во многом порождением уже Нового времени.

Различное соотношение религиозного и политического начал порождало множество вариаций. В рамках испанского традиционализма господствующими в конечном итоге оказались две. Первая принадлежала выдающемуся католическому теологу, социальному философу, политическому журналисту и поэту Хайме Лусиано Бальмесу-и-Урпии (1810-1848); вторая – не менее выдающемуся политическому журналисту, дипломату, политику и политическому философу Хуану Доносо Кортесу, маркизу де Вальдегамас (1809-1853). Сугубо исторически Бальмес и Доносо застали кризис Старого порядка, наблюдали последнее «пагубное десятилетие» в правлении короля-традиционалиста Фернандо VII (1823-1833) и приняли непосредственное участие в крайне сложных и противоречивых для Испании процессах модернизации на самых начальных ее этапах. Коротко их позиции можно обозначить следующим образом: Бальмес предпочитает политику религии, а Доносо, наоборот, – религию политике. Своеобразная ирония заключается в том, что оба традиционалиста потерпели в конечном итоге сокрушительное поражение, уступив в рамках консерватизма первенство либеральным консерваторам. Однако на протяжении XIX-XX вв. в рамках евро-христианского традиционализма подобные провалы случались с завидной регулярностью и чем-то исключительным не были совсем.

Сходства и различия во взглядах Бальмеса и Доносо были обусловлены тем, что оба они как выдающиеся интеллектуалы своего времени все с большей остротой осознавали тот исторический факт, что кризис Старого порядка проходит свою «точку невозврата», обозначенную Суаресом Вердегер с исследовательской позиции второй половины XX в. для Испании еще 1840-м годом. При этом, находясь «на гребне» испанской политической жизни и имея широкие возможности реагировать на набирающие силы в Испании процессы модернизации непосредственно, Бальмес и Доносо, выбирают для достижения своих целей различные тактики. В этом смысле можно понимать и слова современного испанского историка Маса Лопеса: «Бальмес и Доносо – личности противоположные».

Так, Бальмес, достигший к 1844 г. пика в своей карьере религиозного (католического) философа, позволяет себе как политический идеолог и политический практик взять в некоторых аспектах примиренческий тон, направленный на достижение общей – пусть и подчеркнуто нерелигиозной – толерантности и гармонизации отношений между Испанской католической церковью и утвердившейся у власти буржуазией. В то же самое время Доносо, сделавший в либерально-консервативном крыле партии «модератос» успешную карьеру, наоборот, начинает постепенно погружаться в религию (католицизм) и буквально бежит от той же самой буржуазии, обвиняя ее во всевозможных грехах и накликая на ее голову в будущем все мыслимые и немыслимые катастрофы исторического масштаба. Своеобразной «точкой встречи» для них становится довольно запутанный «клубок» проблем, возникших в связи с политической деятельностью нового Папы Римского Пия IX. В то время как традиционалист Бальмес, распутывая этот «клубок», «вилънул» явно влево, призвав неожиданно для своих единомышленников и оппонентов к уступкам революционному движению, некогда либеральный консерватор Доносо пошел другим путем, скатившись радикально вправо.

В определенном смысле Доносо к концу своей жизни оказался там, где Бальмес был в ее начале. Как пишет Баутиста Солервисенс, «проектируя свой гений *на политическую сферу*», Бальмес двигался *от религии к политике*, фундируя последнюю все еще средневековой католической теологией. Наш тезис подтверждает и Ла Орден: «Он [Бальмес – Ю.В.] *пришел в политику* из философии и апологетики». По словам Кортса, «Бальмес был *теологическим источником*, который проливался философски и католически *на политический мир*». Суждения выдающихся интерпретаторов-традиционалистов первой половины XIX в. дополняет и современный испанский историк Альсина: «Ситуация заставила Бальмеса *искать политические решения*, используя для этого адекватные журналистские средства, с тем чтобы исправить то положение Церкви, которое он считал противным не только справедливости, но также и наиболее распространенным чувствам испанского общества». По нашему мнению, все эти суждения могут основываться и на одной из наиболее ключевых фраз самого Бальмеса: «Не политика должна спасти Религию; наоборот, *Религия должна спасти политику*».

Доносо шел в обратном направлении – *от политики к религии*, стараясь придать последней политическое звучание. В результате, если Бальмес заслужил от интерпретаторов формулу «Традиционализму – да, реакции – нет», то Доносо уже едва ли мог заслужить что-то подобное. Даже Суарес Вердегер, всегда изначально склонный умерять радикализм Доносо, был вынужден еще в 1949 г. написать о нем следующее: «*Непримиримость Доносо*, рожденная из принципов, *противоположных либеральным*, поставила эстремадурца намного ближе к карлизму, чем Бальмеса, который со своими *примиренческими настроениями* никогда к карлизму там близко

не подходил». В этом контексте весьма примечателен и тот факт, что даже иезуит франкист Рей Каррера писал: «Престиж Бальмеса оспаривался меньше, чем престиж Доносо». Отсюда можно заключить, что если Бальмесу простили увлечение умеренно традиционалистской по своему характер политической деятельностью, никоим образом не подвергнув сомнениям чистоту его традиционалистских взглядов; то «обращение» Доносо в традиционализм, а фактически – в католицизм сказалось первоначально на его имидже политического деятеля, а затем и идеолога, перешедшего в лагерь правых радикалов, самым негативным образом. В этом контексте односторонний выбор Фраги, глубоко знакомого с историей «испанского консервативного мышления», в пользу Бальмеса – это всего лишь академическая констатация печального для всех испанских консерваторов факта.

В итоге – исторически – Бальмес, скажем так, переиграл Доносо. Политическая деятельность с опорой на религию в условиях становящегося в Испании Нового порядка (идея Бальмеса) оказалась правящим классом в целом востребованной намного больше, нежели религия в политической практике (идея Доносо). Отсюда производно и отношение к нашим персонажам даже в лагере традиционалистов: в то время как Бальмес становится «культовой фигурой» в среде испанских традиционалистов, не замеченных в какой-либо благожелательности к либеральной буржуазии и прямо поддерживавших своим авторитетом ранних франкистов, склонных к фашизму; Доносо, потративший свои последние силы на формулирование именно этих и им подобных взглядов, оказывается в конечном итоге если не забыт своими единомышленниками, то уж во всяком случае отставленным ими на какое-то время в сторону. Бальмес со всей своей апологетикой католицизма, колониально-имперской «идеей Испанидад» и испанизмом оказывается значительно более востребованной фигурой для публичной политики, нежели Доносо со своими политизированными теологическими выкладками.

На основании всего вышесказанного мы можем заключить, что пролиберально-буржуазная тенденция, представленная Бальмесом, является для генезиса политической идеологии испанского традиционализма генеральной, центральной и основополагающей; в то время как радикальная традиционалистская с ее правым уклоном в исполнении Доносо выступает лишь в качестве вторичной и все более периферийной. Пройдя «горнило» франкистского режима, для обоснования которого активно использовались взгляды обоих идеологов, современные испанские традиционалисты вывернули в конечном итоге на ту дорожку, которая в потенциале содержалась в трудах Бальмеса.